

С.П. Земцов

РАНХиГС, ИЭП им. Е.Т. Гайдара, Москва

Институты, предпринимательство и региональное развитие в России¹

Аннотация. Роль малого и среднего предпринимательства (МСП) в экономике России остается скромной и снижалась в 2019 г. В 2020 г. в связи с кризисными явлениями и мерами по борьбе с эпидемией covid-19 доля МСП в ВВП и занятости существенно сократится. Почему так происходит, и стоит ли поддерживать незначимую на первый взгляд сферу экономики? В статье описаны факторы и закономерности развития предпринимательства в России в их взаимосвязи с развитием регионов. На развитие МСП негативно влияет неопределенность экономической ситуации и сокращение спроса. Высокие инвестиционные риски и низкий уровень доверия сужают возможности развития наиболее значимой части предпринимательства – производительного и добровольного. В результате в России высока и вырастет доля неформальной занятости и вынужденного предпринимательства, особенно в наименее развитых регионах. Хотя в предкризисные годы наблюдались тенденции улучшения формальных институтов, повышение доступности финансирования, но далеко не во всех регионах. Неформальные институты и нормы изменяются медленнее, а именно они определяют низкую вовлеченность в предпринимательскую деятельность. Кризис может привести к сокращению и так малого числа предпринимателей, что окажет негативный долгосрочный эффект на устойчивое региональное развитие. Отраслевая структура сектора МСП диверсифицировалась, росла доля интернет-сервисов и наукоемких услуг. Эти процессы в результате вынужденной цифровизации во время эпидемии могут ускориться, особенно в крупных агломерациях. Прямая государственная поддержка ранее слабо влияла на развитие сектора МСП из-за неосведомленности и недоверия предпринимателей, малых масштабов, поэтому есть сомнения, что она сможет кардинально изменить ситуацию в текущий период. Если кризис и противоэпидемические мероприятия продолжатся и летом, то наибольшие негативные последствия следует ожидать в южных регионах, где более 50% заняты в предпринимательском секторе, но слабо развиты предпринимательские экосистемы и низкий уровень цифровизации. Наши расчеты показывают потенциальное сокращение числа малых и средних предприятий на 50–60%, что может привести к снижению валового регионального продукта в среднем на 3–10%.

Ключевые слова: *малый и средний бизнес, экономическое развитие, институциональные условия, доверие, кризис, covid-19, государственная поддержка, регионы России, цифровизация.*

Классификация JEL: L26, L53, O17.

DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-9

Введение

Развитие экономики за последние 20 лет федеральные власти связывали в основном с крупным бизнесом, несмотря на попытки дерегулирования и создания условий для предпринимательской инициативы. Сегодня малое и среднее предпринимательство (МСП) называется одним из приоритетов, в частности утверждены соответствующие стратегия развития МСП, национальный проект и план по трансформации делового климата. Но за прошедшие десятилетия роль МСП остается

довольно скромной: не более 22% ВВП, около 27% занятости (Антонова и др., 2020). В 2019 г. число субъектов МСП² сократилось на 100 тыс., а число занятых – почти на полмиллиона (Баринова и др., 2020). В 2020 г. ожидается еще более существенное снижение основных показателей из-за экономического кризиса и мер борьбы с эпидемией коронавируса.

Цель исследования – выявить долгосрочные факторы и объяснить некоторые закономерности развития МСП в регионах

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания РАНХиГС за 2020 г.

² К субъектам МСП в соответствии с ФЗ № 209 от 24 июля 2007 г. относят предприятия, в которых доля участия в уставном капитале иных хозяйствующих субъектов ниже 50%, средняя численность работников не превышает 250 человек, а доход от предпринимательской деятельности не превышает 2 млрд руб. Текущие критерии в целом соответствуют общемировой практике (Баринова, Земцов, 2019).

России, в том числе для понимания текущих изменений, оценки их влияния на МСП и развитие регионов.

Создание фирмы в теории определяется спросом на новое предприятие со стороны рынка (спрос на услуги и товары, рыночные ниши) и предложением – числом потенциальных предпринимателей и ресурсов для преодоления барьеров входа³: финансовые, человеческие и др. (Баринаева, Земцов, Царева, 2018). Среди основных барьеров – транзакционные издержки: высокая монополизация рынков, недобросовестная конкуренция, административное давление, коррупция и т.д. Отдельные ограничения принято называть провалами рынка, но на всех этапах предпринимательского процесса прослеживается влияние государственной политики и провалов государства.

По опросам малого производственного бизнеса в числе основных барьеров развития, усиливающихся в период кризисов, указывают

макроэкономические условия: недостаточный спрос (54% фирм в I квартале 2020 г.) и неопределенность экономической ситуации (49%) (рис. 1). Среди институциональных ограничений значимы доступ к финансированию (51%) и высокое налогообложение (53%). Рост значимости последнего связан со всеобщим внедрением онлайн-касс и повышением НДС в 2019 г.

Формальные институты и развитие предпринимательства в России

Удельные транзакционные издержки малого бизнеса выше, чем у крупных компаний или бюджетных организаций, поэтому развитие формальных институтов для них более значимо. В рейтинге Doing Business, оценивающим формальные условия для ведения бизнеса, Россия поднялась со 124 места в 2010 г. до 28 места в 2019 г. (рис. 2) благодаря улучшению процедур регистрации бизнеса, упрощению доступа и сокращению времени подключения к инфраструктуре, повышению качества

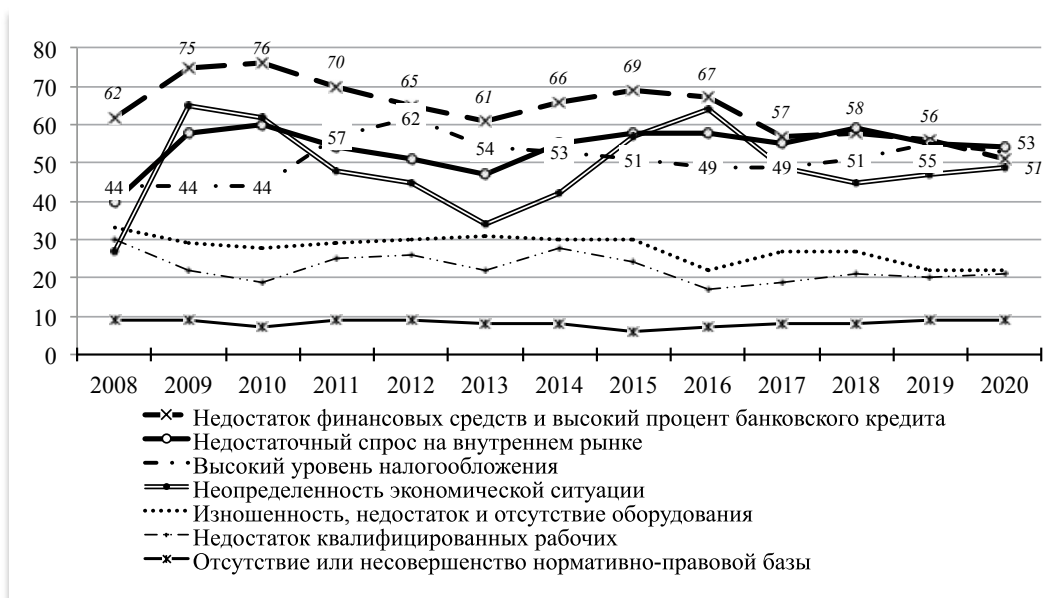

Рис. 1

Доля респондентов – представителей малых предприятий в обрабатывающей промышленности, указавших фактор, ограничивающий развитие их бизнеса (по данным на I квартал каждого года), %

Источник: составлен авторами по данным (Росстат, 2019).

³ Для создания торгового предприятия требуются минимальные затраты капитала, труда, компетенций, чем, например, для входа на рынок черной или цветной металлургии.

системы арбитражных судов⁴. Однако рейтинг не отражает всей специфики институциональных условий в России, в том числе низкого уровня доверия (Аузан и др., 2017), низкой склонности к риску (Верховская, 2017), высокого уровня коррупции (Гуриев, 2007) и т.д. К тому же существуют значительные региональные различия (Баранов и др., 2015; Баранова и др., 2018), которые не учитываются не только при международных сравнениях (оценки даны для Москвы и Санкт-Петербурга), но и при разработке внутрироссийских нормативно-правовых актов.

Сохраняется проблема избыточности и противоречивости ряда требований контрольно-надзорных органов, в частности нет единого реестра, описывающего их конечный набор. В этих условиях проверки могут использоваться как инструмент давления на бизнес (Яковлев, 2012). Более 40% хозяйствующих субъектов несут административные издержки, связанные с доступом к информации о проверках (Добролюбова и др., 2017), и соответственно часто не знают требований до выявления нарушения. Большинство предпринимателей негативно оценивают ситуацию, связанную

с защитой своих прав. При разрешении конфликта между предпринимателем и государством в суде вероятность выигрыша первого невысока (Титаев и др., 2014). Общее число проверок сократилось более чем в два раза (рис. 2)⁵, но сохраняются региональные различия (Антонова и др., 2020), и на этом фоне в ряде регионов растет число не входящих в статистику рейдов, осмотров, административных расследований. Откладывается реформа контрольно-надзорной деятельности, в том числе так называемая регуляторная гильотина, предполагающая отмену устаревших норм, и внедрение риск-ориентированного подхода.

Описанные несовершенства законодательства и ряд укоренившихся неформальных норм могут вести к повышению уровня коррупционных рисков (Anokhin, Schulze, 2009; Яковлев, 2012; Гуриев, 2007). Ряд экспертов отмечает, что уровень коррупции в России выше, чем в странах с сопоставимым уровнем развития (Гуриев, 2007). Частично это связано с проблемой недостатка свободных СМИ, особенно в удаленных от Москвы регионах⁶. В 2018 г. Россия заняла 138 место из 180 стран по Индексу восприятия коррупции (147 место

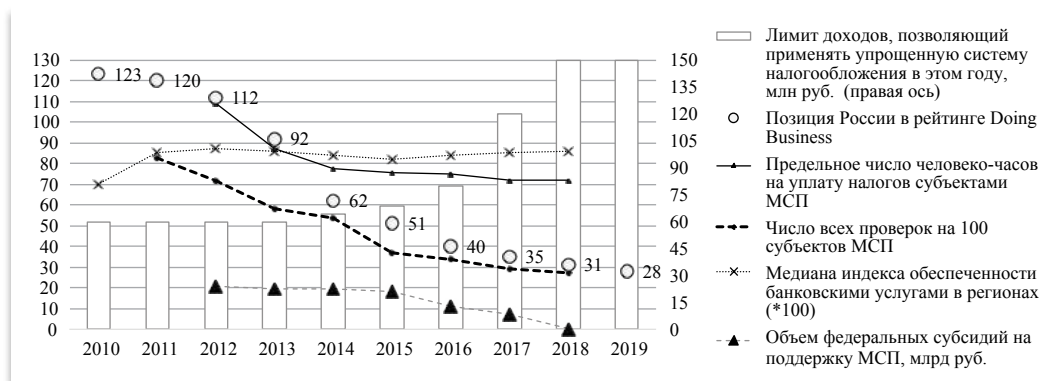

Рис. 2

Динамика индикаторов, оценивающих формальные условия ведения бизнеса в России, %

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС.

⁴ Doing business (http://www.doingbusiness.org/en/data/exploreconomies/russia#DB_ec).

⁵ С 2016 по 2018 г. был введен мораторий на проведение плановых проверок малого бизнеса. Мораторий продлен в кризисных условиях 2020 г.

⁶ Например, либерализация предпринимательского законодательства («реформы Грефа») в начале 2000-х годов оказала разное влияние на повышение числа новых фирм в регионах России (Yakovlev, Zhuravskaya, 2013). В регионах с более благоприятными институциональными условиями, в том числе с доступом к свободным СМИ, эффект оказался более ощутимым.

из 180 в 2008 г.)⁷ и 172 место из 209 стран – по контролю за коррупцией, по оценке Мирового банка⁸ (187 место из 210 в 2009 г.). По опросам Торгово-промышленной палаты России⁹, в 2018 г. 48% предпринимателей постоянно и часто сталкивались с коррупцией (в 2016 г. – 50,8%), из них 39,1% – при получении разрешений, 34,5% – в рамках надзорной деятельности, 30,1% – в сфере государственных закупок. В итоге 62% граждан считают, что вести честный бизнес невозможно (ВЦИОМ, 2019), а значит, снижается авторитет предпринимателей и сохраняется низкий уровень доверия властям и предпринимателям.

Государственная политика и поддержка МСП

Современная система мер государственной поддержки МСП до 2015 г. преимущественно была направлена на предоставление налоговых льгот и выделение субсидий регионам на развитие инфраструктуры поддержки МСП. Но объем субсидий сокращался (см. рис. 2). Для снижения налоговой нагрузки на предпринимательский сектор были введены специальные налоговые режимы, что позволило также сократить издержки на формирование и подачу отчетности (см. рис. 2). В 2018 г. по данным ФНС, около 94% субъектов МСП использовали специальные режимы, из них 54,7% применяли упрощенную систему налогообложения (УСН) (44,5% – в 2010 г.), а 36,6% – единый налог на вмененный доход (ЕНВД). Для применения УСН необходимо, чтобы число сотрудников в компании не превышало 100 человек, а предельное значение

выручки выросло более чем в 2 раза с 2014 г. (см. рис. 2). В то же время внедрение онлайн-касс и повышение ставки НДС в 2019 г. привело к усилению недовольства налоговой политикой (см. рис. 1).

В 2015 г. была создана Корпорация МСП¹⁰, во многом ориентированная на предоставление финансовых мер поддержки: кредиты, гарантии по кредитам, поддержку государственных закупок у МСП. Но при этом ряд авторов отмечал (Young et al., 2014; Storey, 2017), что прямые формы поддержки в условиях слабого развития институтов публичного контроля (независимые СМИ, профессиональные сообщества, некоммерческие организации и т.д.) не всегда эффективны¹¹. В 2019 г. общий объем поддержки вырос благодаря реализации национального проекта.

Доступность финансирования для малого бизнеса в целом расширилась по сравнению с 2015 г. (см. рис. 1), что связано с общим снижением ставки банковских кредитов и развитием гарантийной системы. Индекс обеспеченности банковскими услугами Банка России, учитывающий плотность сети банков и объемы их финансовых ресурсов в регионах, в последние годы рос (см. рис. 2)¹². Но, по данным RSBI¹³, 62% субъектов МСП не нуждались в дополнительном финансировании в условиях сокращающегося с 2014 г. спроса (доходов населения) и неопределенности экономической ситуации (см. рис. 1).

В 2017 г. различные виды поддержки были оказаны 2,77% субъектов МСП, но лишь 50% поддержанных компаний улучшили свои показатели (Антонова и др., 2020). Опросы

⁷ Transparency International (<https://www.transparency.org/>).

⁸ World Governance indicators (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>).

⁹ Бизнес заметил снижение коррупции в России (<https://www.rbc.ru/economics/18/07/2018/5b4e00ab9a79470f4289d9e4>).

¹⁰ Акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация МСП) (<https://corpmsp.ru/about/deyatelnost/>).

¹¹ Даже в США около 2/3 всех государственных закупок, выделяемых по квоте для малого бизнеса, выполняются фирмами, купленными или связанными с крупными корпорациями (Cullen, 2012).

¹² При этом общее число банков в России, в том числе в результате санации банковской системы и внедрения стандартов Базеля III, сократилось с 325 в 2013 г. до 211 в 2019 г. Закрылись многие региональные банки, активно финансировавшие сектор МСП.

¹³ Индекс «ОПОРЫ России» и Промсвязьбанка (<http://opora.ru/projects/indeks-opory-tsbi/>).

Института общественных наук РАНХиГС представителей малых и средних фирм в 2018 г. (там же) также показывают, что в среднем лишь 9% обращались к программам государственной поддержки из-за отсутствия доступа к информации (92%), малых сумм поддержки (51%), отсутствия доверия государству (45%) и чрезмерной отчетности (34%). Наши эконометрические расчеты (Барина и др., 2018) и оценки аудиторов¹⁴ дополнительно подтверждают, что влияние государственной поддержки на число субъектов МСП в регионах слабое.

Неформальные институты и социокультурные нормы

Открытие и ведение бизнеса как деятельность с высокими рисками невозможна без доверия между контрагентами (Welter, 2012). В России лишь 31% респондентов (рис. 3) считают, что людям в целом можно доверять (обобщенный уровень доверия). В Швеции, где в секторе МСП занято около 66% занятых, этот уровень превышает 60%.

В ряде регионов России это значение еще ниже (Аузан и др., 2017). При этом в странах, где выше уровень доверия к другим людям, также выше и предпринимательская активность, и темпы роста экономики, например в Китае, Индии, Вьетнаме, Южной Корее, Малайзии и др. В России только 22% жителей доверяют предпринимателям¹⁵, хотя отношение населения к малому и среднему бизнесу улучшается: в 2019 г. 89% респондентов положительно относились к частному предпринимательству, тогда как в 2009 г. – 79% (ВЦИОМ, 2019).

По опросам студентов вузов (Shirokova et al., 2016), более 51% из них намерены стать предпринимателями через пять лет после выпуска (за рубежом – 38%), но впоследствии подавляющее большинство продолжает работать наемными сотрудниками. Лишь 22,8% жителей видели возможность создать фирму в регионе, в котором проживают¹⁶; в Швеции, США и Судане – около 70% граждан. Поэтому ранняя предпринимательская активность

Рис. 3

Динамика характеристик населения России в отношении предпринимательской деятельности

Источник: составлено авторами по данным ВЦИОМ, GEM и WVS.

¹⁴ Отчеты о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2017 и 2018 г. (http://www.ach.gov.ru/activities/annual_report/951/).

¹⁵ Уровень доверия не только измеряет социокультурные нормы, но и тесно связан с социально-экономическими тенденциями, в частности он ниже в регионах, где ниже уровень жизни, выше преступность и уровень коррупции и т.д.

¹⁶ GEM. Global Entrepreneurship Monitor (<https://www.gemconsortium.org>).

в России составляет всего 5,55% (см. рис. 3), а в США – 15,6, в Китае – 10,4% (Верховская и др., 2017). Хотя тренд положительный, а доля владельцев бизнеса увеличилась в четыре раза. По-прежнему, большинство – вынужденные предприниматели (около 56%), т.е. у них нет иных возможностей занятости. Их число вырастет в результате кризиса 2020 г.

Неформальные нормы изменяются медленно и негативно влияют на развитие малого и среднего предпринимательства.

Долгосрочные тенденции и закономерности развития сектора МСП

За 2008–2018 гг. число субъектов МСП увеличилось с 4,1 до 5,2 млн, или на 30%, после изменения критериев отнесения фирм к сектору МСП (Антонова и др., 2020). Ряд предприятий могли использовать инструмент дробления фирм для снижения налоговой нагрузки (использования УСН), ухода от проверок и получения доступа к мерам государственной поддержки. Отдельные меры поддержки в кризисный период 2020 г. также могут способствовать дроблению бизнеса.

Несмотря на реализацию плана по трансформации делового климата и увеличению поддержки в рамках национального проекта, в 2019 г. число субъектов МСП сократилось на 100 тыс., а число занятых – почти на полмиллиона (Барина и др., 2020). Это может быть связано с повышением налоговой нагрузки (рост НДС и внедрение онлайн-касс) и отсутствием заметного роста доходов населения, а соответственно спроса на услуги и продукцию сектора МСП.

По подсчетам Росстата, доля сектора МСП в ВВП увеличилась с 19,1% в 2011 г. до 21,9% в 2018 г., что ниже значения большинства развитых стран (рис. 4). На наш взгляд, проблема скорее связана не с низкой долей МСП, а с высокой долей государственного сектора в экономике, которая превысила 46% (Абрамов и др., 2018). А доля МСП в добавленной стоимости бизнес-сектора России в 2018 г. составляла около 43–44% (Барина, Земцов, 2019), что уже близко к соответствующим значениям крупных стран: США (48%), Канада (30%), Мексика (38%).

Отраслевая структура сектора МСП в целом соответствует аналогичной структуре

Рис. 4

Динамика основных индикаторов развития сектора МСП и базовых макроэкономических показателей

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

в развитых странах (Баринаова, Земцов, 2019; Антонова и др., 2020). С 2008 г. в условиях распространения цифровых технологий росла доля онлайн-услуг, в том числе интернет-торговли. В целом вынужденная цифровая трансформация бизнеса во время и после эпидемии может ускорить эти процессы в наиболее развитых регионах. Но низкий уровень доверия между контрагентами снижает возможности для создания и развития сложных производственных фирм, основанных на взаимодействии с учеными и венчурными инвесторами (Anokhin, Schulze, 2009). Несколько лет подряд число новых высокотехнологичных фирм в России сокращается (Баринаова, Земцов, Зинов и др., 2020).

В период экономической нестабильности доля МСП в занятости сокращается быстрее, так как малые и средние фирмы стремятся сокращать число работников или выводить их в серую зону для снижения налоговых выплат. Крупные же предприятия находятся под более пристальным вниманием контролирующих органов. Ужесточение политики (запрет хостелов в жилых домах, снос торговых павильонов, повышение социальных выплат и НДС, введение онлайн-касс и т.д.) также имеет следствием уход ряда предпринимателей в тень, что привело к росту численности и доли занятых в неформальном секторе (Баринаова и др., 2020б) (см. рис. 4). В 2020 г. ожидается существенный рост этого показателя.

В целом бизнес-динамика в секторе МСП соответствует изменениям макроэкономической ситуации (см. рис. 4) с лагом в год вслед за падением доходов населения. В 2020 г. изменения уже будут заметны.

Связь предпринимательства, институтов и регионального развития

Описанные закономерности имеют ярко выраженную региональную специфику (Чепуренко, 2012; Аузан и др., 2017; Баранов и др., 2015; Баринаова и др., 2018), причем они

сохраняются на протяжении десятилетий (Земцов, Царева, 2018). Выделяются устойчивые регионы-лидеры и аутсайдеры в развитии МСП. Фактически сформировалось несколько типов предпринимательских экосистем – сетей взаимодействия экономических агентов в определенных географических и институциональных условиях (Земцов, Бабурин, 2019). Более 30% всех новых фирм в 2008–2019 гг. созданы в Москве (здесь зарегистрировано 13,7% субъектов МСП), около 10% – в Санкт-Петербурге (≈5,9% общего числа). Наибольший прирост также наблюдался в Тюменской (72%), Свердловской (56%) и Воронежской (43,5%) областях, где сформировались крупные рынки и снижались инвестиционные риски (рис. 5).

Наибольшее число субъектов МСП по отношению к численности рабочей силы в крупнейших агломерациях – Санкт-Петербурге, Москве, Новосибирске и приморских регионах: Калининградской области и Краснодарском крае (Земцов, Бабурин, 2019). Крупные агломерации обладают большими потребительскими рынками, развитой инфраструктурой и разнообразием потребителей. В целом в агломерациях благодаря большей интенсивности связей ниже страх неудачи и выше уровень доверия. В приморских регионах больше возможностей для трансграничной торговли, развития МСП в сфере транспорта, туризма и иных услуг. Благоприятный инвестиционный климат в Калужской, Тюменской, Воронежской областях¹⁷ также способствует высокой активности малого бизнеса. Севастополь и Республика Крым – в числе лидеров благодаря большому числу гостевых домов и туристических сервисов, в этих регионах действует режим свободной экономической зоны.

МСП в разных типах предпринимательских экосистем по-разному реагирует на изменение макроэкономических и институциональных условий. В условиях падения доходов населения с 2014 г. в регионах с наименее развитыми и уязвимыми экосистемами пред-

¹⁷ Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации (<http://asi.ru/investclimate/rating/>).

принимательства (Северный Кавказ, Арктика и Дальний Восток) основные показатели сектора МСП сокращались (Земцов, Бабурин, 2019). В крупных агломерациях возможности адаптации выше. Например, в условиях режима самоизоляции выигрывают фирмы, которые прошли этап цифровой трансфор-

мации, чьи потребители могут пользоваться онлайн-сервисами. Но в России высоко цифровое неравенство. И если доступ к Интернету, хотя и различается, но благодаря активному проникновению сотовой связи есть у большинства домохозяйств, существенны различия в его использовании. Так, по данным Росстата,

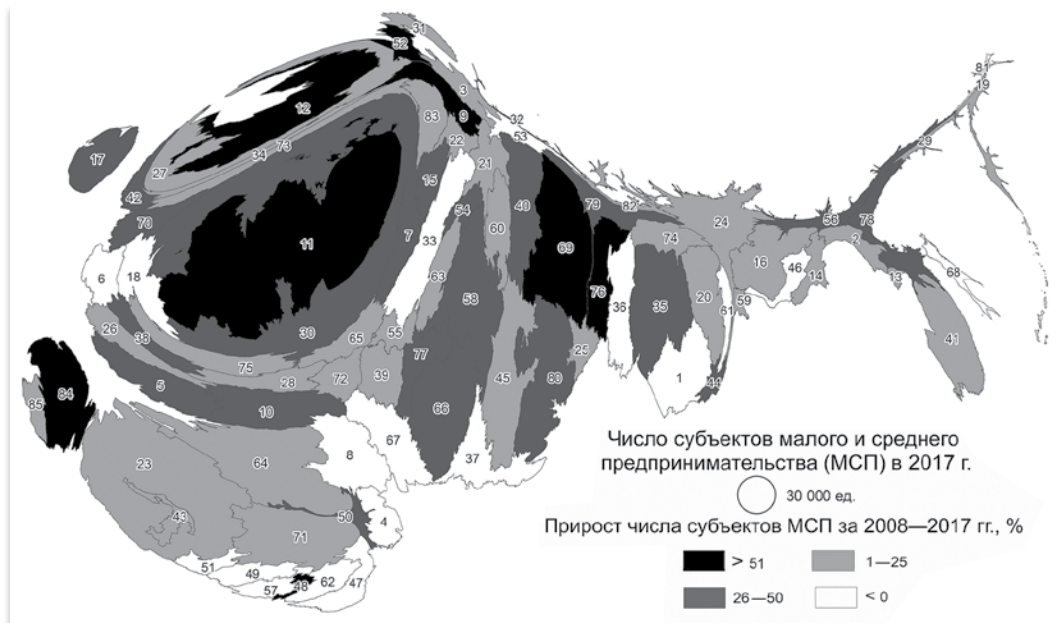

Рис. 5

Картограмма числа субъектов МСП и их динамики

Источник: по данным Росстата.

Примечание. Размер регионов соответствует значению числа субъектов МСП при сохранении границ и очертания регионов. Цифрами указаны номера регионов: 1 – Алтайский край, 2 – Амурская область, 3 – Архангельская область, 4 – Астраханская область, 5 – Белгородская область, 6 – Брянская область, 7 – Владимирская область, 8 – Волгоградская область, 9 – Вологодская область, 10 – Воронежская область, 11 – г. Москва, 12 – г. Санкт-Петербург, 13 – Еврейская автономная область, 14 – Забайкальский край, 15 – Ивановская область, 16 – Иркутская область, 17 – Калининградская область, 18 – Калужская область, 19 – Камчатский край, 20 – Кемеровская область, 21 – Кировская область, 22 – Костромская область, 23 – Краснодарский край, 24 – Красноярский край, 25 – Курганская область, 26 – Курская область, 27 – Ленинградская область, 28 – Липецкая область, 29 – Магаданская область, 30 – Московская область, 31 – Мурманская область, 32 – Ненецкий автономный округ, 33 – Нижегородская область, 34 – Новгородская область, 35 – Новосибирская область, 36 – Омская область, 37 – Оренбургская область, 38 – Орловская область, 39 – Пензенская область, 40 – Пермский край, 41 – Приморский край, 42 – Псковская область, 43 – Республика Адыгея, 44 – Республика Алтай, 45 – Республика Башкортостан, 46 – Республика Бурятия, 47 – Республика Дагестан, 48 – Республика Ингушетия, 49 – Кабардино-Балкарская Республика, 50 – Республика Калмыкия, 51 – Карачаево-Черкесская Республика, 52 – Республика Карелия, 53 – Республика Коми, 54 – Республика Марий Эл, 55 – Республика Мордовия, 56 – Республика Саха (Якутия), 57 – Республика Северная Осетия – Алания, 58 – Республика Татарстан, 59 – Республика Тыва, 60 – Удмуртская Республика, 61 – Республика Хакасия, 62 – Чеченская Республика, 63 – Чувашская Республика, 64 – Ростовская область, 65 – Рязанская область, 66 – Самарская область, 67 – Саратовская область, 68 – Сахалинская область, 69 – Свердловская область, 70 – Смоленская область, 71 – Ставропольский край, 72 – Тамбовская область, 73 – Тверская область, 74 – Томская область, 75 – Тульская область, 76 – Тюменская область, 77 – Ульяновская область, 78 – Хабаровский край, 79 – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 80 – Челябинская область, 81 – Чукотский автономный округ, 82 – Ямало-Ненецкий автономный округ, 83 – Ярославская область, 84 – Республика Крым, 85 – г. Севастополь.

в Москве 50% жителей заказывали товары и услуги онлайн, а в Дагестане – менее 15; если в Москве более 50% фирм размещали заказы онлайн, то в Дагестане – менее 20.

Малый и средний бизнес играет значимую роль в развитии многих регионов. Во-первых, сектор обеспечивает занятость населения при сокращениях на крупных предприятиях в результате оптимизации бюджетных учреждений. Например, в Крыму и на Северном Кавказе в предпринимательском секторе (МСП + самозанятые) занято более 50% работников. Быстрорастущие малые и средние компании в развитых странах обеспечивают до половины прироста занятости, в России – около 25% (Земцов, Маскаев, 2018). Во-вторых, малые фирмы повышают уровень конкуренции в экономике, технологические стартапы способствуют диверсификации и выходу из ресурсного проклятия. В развитых странах предпринимательский капитал – склонность и способность населения создавать новые фирмы, осваивать рыночные ниши – способствует экономическому росту за счет повышения конкуренции, преобразования идей в готовые продукты. Наши расчеты (Земцов, Смелов, 2018) показывают схожие закономерности для регионов России.

В результате кризиса 2020 г. сектор МСП может оказаться среди наиболее пострадавших. Сокращение числа малых и средних сервисных компаний не только приведет к сокращению разнообразия услуг, снижению предпринимательских доходов населения, скрытой безработице (перетоку в неформальную занятость), но и может иметь негативные долгосрочные последствия для регионального развития, так как часть добровольных предпринимателей (доля которых в России и так низкая) могут разочароваться в действиях властей и уйти с рынка.

Все виды бизнесов, которые не смогли перейти на предоставление товаров и услуг в онлайн-формате, сейчас подвержены риску банкротства. Наиболее сильный удар пришелся на рестораны, гостиницы, салоны красоты и парикмахерские, развлечения, спорт, туризм, розничные непродовольственные

магазины. Фактически спрос на услуги указанных отраслей в условиях карантина упал в разы (Земцов, Царева, 2020). Доля потенциально наиболее пострадавших отраслей составляет около 11% в общем числе субъектов МСП, или около 2,6% оборота МСП, что представляется несущественным (там же). Но если мы учтем и отрасли, которые могут пострадать из-за закрытия этих предприятий в результате мультипликативного эффекта, то это более 75% малых и средних фирм, почти 77% их оборота и более 60% занятых (=12 млн человек). Поэтому сохранение карантинных мероприятий на несколько месяцев может привести к катастрофическим последствиям. Наиболее существенные социальные риски на Северном Кавказе и в Крыму, где высока доля самозанятых и работников МСП в занятости, но низкий уровень цифровизации и развития предпринимательских экосистем.

По нашим оценкам (Земцов, Смелов, 2018), в регионах, где число малых и средних фирм выше на 1%, ВРП – выше на 0,06–0,17% в зависимости от прочих условий. Тогда закрытие 50–60% фирм в 2020 г. по наиболее пессимистическому сценарию может привести к падению ВРП в среднем на 3–10% за год. Причем межрегиональные различия остаются существенными.

Заключение

Препятствия на пути развития сектора МСП при первом приближении отражают проблемы, которые испытывает российская экономика в целом. Но малые и средние предприятия наиболее уязвимы для внешних шоков, поэтому в условиях снижения доходов населения и неопределенности экономической ситуации роль малого бизнеса будет снижаться вне зависимости от действия властей. Не способствует развитию МСП и усиливающаяся роль государственного сектора, который может выиграть в условиях кризиса. Серьезным ограничением остаются сложившиеся нормы в постсоветском обществе: недоверие к предпринимателям, предпринимателей – к государству, коррупция и др. Все это определяет скромную роль сектора МСП, большую долю неформаль-

ной занятости и вынужденного предпринимательства, низкую долю технологичных и производительных¹⁸ компаний в секторе МСП.

В России внедряются различные меры, в основном прямой федеральной поддержки (Земцов и др., 2020), влияние которой в предыдущие периоды было неоднозначным и невысоким. На наш взгляд, следует разделять краткосрочные и долгосрочные задачи. В текущих условиях эффективным может стать стимулирование спроса через субсидии уязвимым группам населения, сохранение объемов государственных закупок и их перенос на более ранние сроки, налоговые каникулы, дешевое кредитование при условии сохранения занятости. Более конкурентоспособный бизнес смог бы воспользоваться этими условиями и выжить. Одновременно важно для посткризисного развития ускорение трансформации делового климата и цифровизации государственных услуг, поддержка цифровой трансформации бизнеса, сохранение программ обучения предпринимательству и консалтинга.

Для развития предпринимательства значимы местные условия, так как большая часть субъектов МСП связана с локальными рынками. Сейчас у местных властей нет достаточных стимулов для поддержки и развития МСП, так как большая часть доходов направляется в федеральный бюджет, а объем субсидий на развитие МСП сокращается. Хотя есть примеры успешных регионов с проактивной политикой: Калужская, Тюменская, Воронежская, Белгородская, Калининградская области, Республика Татарстан и др. (Земцов, Бабурин, 2019). В перспективе одним из факторов развития МСП может стать конкуренция регионов и городов по условиям ведения бизнеса, что потребует их большей бюджетной и налоговой самостоятельности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Абрамов А.Е., Аксёнов И.В., Радыгин А.Д., Чернова М.И. (2018). Современные подходы к измерению государствен-

ного сектора: методология и эмпирика // *Экономическая политика*. Т. 13. № 1. С. 36–69. [**Abramov A.E., Aksenov I.V., Radygin A.D., Chernova M.I.** (2018). Modern approaches to measuring the state sector: methodology and empirics. *Economic Policy*, 13, 1, 36–69 (in Russian).]

Антонова М.П., Баринаова В.А., Громов В.В., Земцов С.П., Красносельских А.Н., Милоголов Н.С., Потапова А.А., Царева Ю.В. (2020). Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. [**Antonova M.P., Barinova V.A., Gromov V.V., Zemtsov S.P., Krasnoselskikh A.N., Milogolov N.S., Potapova A.A., Tsareva Yu.V.** (2020). *The development of small and medium enterprises in Russia in the context of the national project*. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANEPА (in Russian).]

Аузан А. А. Авдиенкова М.А., Андреева Д.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Бутаева К.О., Вебер Ш., Давыдов Д.В., Золотов А.В., Никитин К.М., Никишина Е.Н., Припузов Н.А., Ставинская А.А. (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: ЦСР. [**Auzan A. A. Avdienkova M.A., Andreeva D.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Butaeva K.O., Veber Sh., Davydov D.V., Zolotov A.V., Nikitin K.M., Nikishina E.N., Pripuzov N.A., Stavinskaya A.A.** (2017). *Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms*. Moscow: CSR (in Russian).]

Баранов А.Ю., Малков Е.С., Полищук Л.И., Рохлиц М., Сюняев Г.Р. (2015). Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // *Вопросы экономики*. № 2. С. 69–103. [**Baranov A.Yu., Malkov E.S., Polishchuk L.I., Rokhlits M., Syunyaev G.R.** (2015). Measuring institutions

¹⁸ Создающие добавленную стоимость в отличие от непроизводительного, например силового, предпринимательства, ориентированного исключительно на перераспределение (Baumol, 1990).

in Russian regions: methodology, sources of data, analysis. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 69–103 (in Russian).]

- Барина В.А., Земцов С.П.** (2019). Международный сравнительный анализ роли малых и средних предприятий в национальной экономике: статистическое исследование // *Вопросы статистики*. Т. 26. № 6. С. 55–71. [Barinova V.A., Zemtsov S.P. (2019). International comparative analysis of the role of small and medium-sized enterprises in the national economy: A statistical study. *Voprosy Statistiki*, 26, 6, 55–71 (in Russian).]
- Барина В.А., Земцов С.П., Зинов В.Г., Кидяева В.М., Красносельских А.Н., Куракова Н.Г., Семенова Р.И., Федотов И.В., Халимова С.Р., Хафизов Р.Р., Царева Ю.В.** (2020). Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». С.П. Земцов (ред.). М.: РАНХиГС, АИРР. [Barinova V.A., Zemtsov S.P., Zinov V.G., Kidyayeva V.M., Krasnoselskikh A.N., Kurakova N.G., Semenova R.I., Fedotov I.V., Khali-mova S.R., Khafizov R.R., Tsareva Yu.V. (2020). *National report “High-tech business in the Russian regions”*. S. Zemtsov (ed.). Moscow: RANKhiGS (RANEP), AIRR (in Russian).]
- Барина В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В.** (2018). Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России // *Вопросы экономики*. № 6. С. 92–116. [Barinova V.A., Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. (2018). Entrepreneurship and institutions: Does the relationship exist at the regional level in Russia? *Voprosy Ekonomiki*, 6, 92–116 (in Russian).]
- Барина В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В.** (2020). Малое и среднее предпринимательство в России и регионах в 2019–2020 гг. В сб.: *Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы* (Выпуск 41). М.: Издательство Института Гайдара. С. 279–290. [Barinova V.A., Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. (2020). Small and medium enterprises in Russia and regions in 2019–2020. In: *Russian economy in 2019. Trends and prospects*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 279–290 (in Russian).]
- Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А., Дзепелова М.В., Шмелева Э.В.** (2017). Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016/2017. СПб.: ВШМ СПбГУ. [Verkhovskaya O.R., Aleksandrova E.A., Bogatyreva K.A., Dzhelepova M.V., Shmeleva E.V. (2017). *National report “Global Entrepreneurship Monitor. Russia 2016/2017”*. Saint Petersburg: HSM SPbGU (in Russian).]
- ВЦИОМ** (2019). Предпринимательство в России: отношение россиян, барьеры. М.: ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9565> [VCIOM (2019). *Entrepreneurship in Russia: The attitude of Russians, barriers*. Moscow: Russian Public Opinion Research Center. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9565> (in Russian).]
- Гуриев С.** (2007). Что известно о коррупции в России и можно ли с ней бороться? // *Вопросы экономики*. № 1. С. 11–18. [Guriev S. (2007). Corruption in Russia: what do we know and what can we do? *Voprosy Ekonomiki*, 1, 11–18 (in Russian).]
- Добролюбова Е.И., Зыбуновская Н.В., Покида А.Н., Южаков В.Н.** (2017). Оценка влияния государственного контроля (надзора) на деятельность хозяйствующих субъектов // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 2. С. 7–25. [Dobrolyubova E.I., Zybunovskaya N.V., Pokida A.N., Juzhakov V.N. (2017). Assessment of the impact of state control (supervision) on the activities of business entities. *Public Administration Issues*, 2, 7–25 (in Russian).]
- Земцов С.П., Бабурин В.Л.** (2019). Предпринимательские экосистемы в регионах России // *Региональные исследования*. № 2 (46). С. 4–14. [Zemtsov S.P., Baburin V.L. (2019). Entrepreneurial ecosystems in the Russian regions. *Regional Research*, 2 (46), 25–38 (in Russian).]

- Земцов С.П., Красносельских А.Н., Царева Ю.В., Баринова В.А.** (2020). Меры поддержки малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // *Мониторинг экономической ситуации в России*. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 8 (110). Апрель. С. 105–115. [**Zemtsov S.P., Krasnoselskikh A.N., Tsareva Yu.V., Barinova V.A.** (2020). Support measures for small and medium-sized enterprises in a pandemic and crisis. *Monitoring of Russia's Economic Outlook*, 8 (110), April, 105–115 (in Russian).]
- Земцов С.П., Маскаев А.Ф.** (2018). Быстрорастущие фирмы в России: характеристики и факторы роста // *Инновации*. № 6 (236). С. 30–38. [**Zemtsov S.P., Maskaev A.F.** (2018). Fast-growing firms in Russia: Characteristics and growth factors. *Innovations*, 6 (236), 30–38 (in Russian).]
- Земцов С.П., Смелов Ю.А.** (2018). Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4 (40). С. 84–108. [**Zemtsov S.P., Smelov Yu.A.** (2018). Factors of regional development in Russia: Geography, human capital and regional policies. *Journal of the New Economic Association*, 4 (40), 84–108 (in Russian).]
- Земцов С.П., Царева Ю.В.** (2018). Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (37). С. 145–165. [**Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V.** (2018). Entrepreneurial activity in the Russian regions: How spatial and temporal effects determine the development of small business. *Journal of the New Economic Association*, 1 (37), 145–165 (in Russian).]
- Земцов С.П., Царева Ю.В.** (2020). Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса. В сб.: *Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития*. № 10 (112). Апрель. [**Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V.** (2020). Trends in the development of the sector of small and medium enterprises in a pandemic and crisis. *Monitoring of Russia's Economic Outlook*, 10 (112) (in Russian).]
- Росстат (2019). Институциональные преобразования в экономике. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/# [Federal State Statistic Service: (2019). *Institutional transformations in the economy*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/# (in Russian).]
- Титаев К.Д., Дмитриева А.В., Четверикова И.В.** (2014). Государство и бизнес в арбитражном процессе // *Вопросы экономики*. № 6. С. 40–62. [**Titaev K.D., Dmitrieva A.V., Chetverikova I.V.** (2014). State and business in the arbitrazh (commercial) litigation. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 40–62 (in Russian).]
- Чепуренко А.Ю.** (2012). Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? (Заметки на полях работ современных зарубежных классиков) // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2 (14). С. 102–124. [**Chepurenko A.Yu.** (2012). What is entrepreneurship and what entrepreneurship policy does Russia need? (Marginal notes on works of modern foreign classics). *Journal of the New Economic Association*, 2 (14), 102–124 (in Russian).]
- Яковлев А.А.** (2012). Как уменьшить силовое давление на бизнес в России? // *Вопросы экономики*. № 11. С. 4–23. [**Yakovlev A.A.** (2012). How to reduce violent pressure on business in Russia? *Voprosy Ekonomiki*, 11, 4–23 (in Russian).]
- Anokhin S., Schulze W.** (2009). Entrepreneurship, innovation, and corruption. *Journal of Business Venturing*, 5 (24), 465–476.
- Baumol W.J.** (1990). Entrepreneurship: Productive, unproductive, and destructive. *Journal of Political Economy*, 98 (5), 893–921.

- Cullen A.M.** (2012). The small business set-aside program: Where achievement means consistently failing to meet small business contracting goals. *Public Contract Law Journal*, 41, 3, 703–720.
- Shirokova G.V., Bogatyreva K.A., Beliaeva T.V., Tsukanova T.V., Laskovaia A.K.** (2016). *Global university entrepreneurial spirit students' survey. National report Russia 2016*. Saint Petersburg: St. Petersburg University.
- Storey D.** (2017). Six steps to heaven: Evaluating the impact of public policies to support small businesses in developed economies. In: *The Blackwell handbook of entrepreneurship*. Sexton D., Landström H. (eds.). New York: Blackwell Publishers Ltd, 176–193.
- Welter F.** (2012). All you need is trust? A critical review of the trust and entrepreneurship literature. *International Small Business Journal*, 30, 3, 193–212.
- Yakovlev E., Zhuravskaya E.** (2013). The unequal enforcement of liberalization: evidence from Russia's reform of business regulation. *Journal of the European Economic Association*, 11, 4, 808–838.
- Young A., Higgins M., Lacombe D., Sell B.** (2014). The direct and indirect effects of small business administration lending on growth: Evidence from U.S. county-level data. *NBER Working Paper No. 20543*.

Поступила в редакцию 10.05.2020

Received 10.05.2020

S.P. Zemtsov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

Institutions, entrepreneurship, and regional development in Russia¹⁹

Abstract. The role of small and medium-sized enterprises (SMEs) in the Russian economy remains modest and declined in 2019. In 2020, due to the crisis and anti-covid-19 measures, the share of SMEs in GDP and employment will significantly decrease. Why is this happening, and is it worth supporting a seemingly insignificant sphere of the economy? The article describes the factors and patterns of entrepreneurship development in Russia and their relations with the regional development. The development of SMEs is negatively affected by uncertainty of the economic situation and decline in demand. High investment risks and a low level of trust narrow the possibilities for productive and opportunity entrepreneurship development. As a result, the share of informal employment and necessity entrepreneurship is high and will grow in Russia, especially in the least developed regions. Although in the pre-crisis years, there was a tendency toward an improvement in formal institutions, an increase in the availability of financing, but not in all regions. Informal institutions and norms change more slowly, they determine low involvement in entrepreneurial activity. A crisis can lead to a reduction in the number of entrepreneurs, which will have a negative long-term effect on sustainable regional development. The sectoral structure of the SME has diversified, and the share of internet services has grown. These processes because of forced digitalization during the epidemic may accelerate, especially in large agglomerations. Direct state support previously had little effect on the SME development due to the lack of awareness and distrust, small scale, so there is doubt that it will be able to radically change the situation in the current period. If the crisis and anti-epidemic measures continue in the summer, the worst negative consequences should be expected in the southern regions, where more than 50% are employed in the entrepreneurial sector, but entrepreneurial ecosystems and digitalization are poorly developed. Our calculations show a potential reduction in the number of small and medium-sized enterprises by 50–60%, which could lead to a decrease in gross regional product by an average of 3–10%.

Keywords: *small and medium business, economic development, institutional conditions, trust, crisis, covid-19, state support, Russian regions, digitalization.*

JEL Classification: L26, L53, O17.

DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-9

¹⁹ The research was carried as the Government task from Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) for 2020.